

НАЦИЯ ИЛИ ОХЛОС?

Роль социально-культурных технологий в политической культуре современного общества

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

И.Н. Сиземская ставит важный вопрос. Действительно: не тяготеет ли политическая культура общества массового потребления к охлократии? События последних лет наводят на весьма неоднозначные мысли по этому поводу. Более того, современный охлократический тренд предстает в несколько неожиданном обличье. Речь идет о новых информационно-коммуникативных технологиях. Конечно же, они создают предпосылки формирования гражданского общества и гражданского сопротивления. Но это не исключает и применения их в ином ключе. События на Манежной площади – очевидный тому пример. Так, может быть, это один из трендов современного постиндустриального массового общества?

Думается, что это и так, и не так. Тем более необходимо понять природу этого общества, специфику его культуры, порождающей, воспроизводящей и транслирующей определенный социальный опыт.

Обстоятельный разговор об особенностях культуры массового общества уже имел место на страницах «Философских наук»*. Там отмечалась амбивалентность культуры массового общества, являющейся реальным воплощением великого проекта гуманизма Просвещения с его установками: «Человек есть мера всех вещей», «Все во имя человека, все на благо человека». Проблема в том, что человек сам по себе существо также амбивалентное. Человек – отнюдь не всегда есть «хорошо». Предыдущий век, сполна расплавшийся по вексям XIX, XVIII и даже XVII столетий, – тому убедительное доказательство.

В той же дискуссии обращалось внимание на особенности ценностно-нормативной организации массового общества, прежде всего на «плоский» характер выстраивания его ценностей. Ценности, в традиционном обществе строящиеся «вертикально-иерархически», в обществе массового потребления приводятся к общему знаменателю маркетизации, становясь рубриками рынка массового потребления.

---

* См. тематическую подборку «Российская культура: вызовы глобализации и массового общества» в № 10 за 2008 г.

И противостоять этой объективной игре «на понижение», не менее объективно ведущей к охлократии, могут, наверное, только три фактора: реальное гражданское общество (дающее возможность людям объединяться с себе подобными для реального решения своих проблем независимо от государственной власти), полноценная элита (способная открыть новые горизонты и пути к ним) и внятная культурная политика (обеспечивающая консолидацию общества на конструктивно-позитивной основе).

В данной работе позволю себе сконцентрироваться на последнем факторе.

Как известно, к настоящему времени сложились две трактовки понимания нации и национальной идентичности: во-первых, это понимание нации как объединения людей, прежде всего, общностью государства. В этом случае национальная идентичность предстает как гражданское самосознание. Во-вторых, это понимание нации как исторически сложившейся общности на основе происхождения, этничности и других культуральных факторов.

Важно понимать, что различия между государственнической и примордиалистской трактовками нации носят принципиальный характер, они выражаются в правовых актах и имеют серьезные политические последствия. Например, ООН – как Организация объединенных наций – объединяет именно государства, а не народы. С другой стороны, в Конституции РФ сказано, что Российская Федерация является не многонародным, а многонациональным государством, со всеми вытекающими отсюда весьма неоднозначными последствиями.

Насколько, однако, обоснованы эти различия? Может быть, при более конкретном рассмотрении проблемы различия государственно-гражданского подхода и примордиализма не столько уточняются, сколько редуцируются? И тогда – к какому основанию?

Уже первый шаг в направлении такой конкретизации весьма обнадеживает. Показательно, что серьезных авторов, придерживающихся обоих подходов, объединяет понимание того, что в истории собственно феномен нации возникает в Новое время, в связи со становлением «национальных государств», т.е. оказывается связанным с формированием городского образа жизни и активным выходом на арену политической жизни буржуазии. Из этого обстоятельства государственники делают вывод о том, что именно с этого момента и можно говорить о нациях и национальном самосознании. Примордиалисты же заключают, что

речь может идти об оформлении государственной составляющей идеи нации, уходящей корнями в историческое прошлое, прежде всего, в «государство образующего народа».

Попытаемся сделать второй шаг по пути конкретизации, задавшись вопросом — как складывается, из чего состоит национальное самосознание, а значит — национальная идентичность. Поскольку государственническая точка зрения дает на эти вопросы четкий и ясный ответ, сконцентрируемся на примордиалистской аргументации.

Набор составляющих национальной идентичности достаточно традиционен: (1) общность происхождения: расовая принадлежность, генотип или, как сейчас говорят, — геном; (2) язык; (3) культура, т.е. определенный образ жизни, тип мышления (ментальность), в основе которых лежат нормы, ценности, традиции, привычки, структурирующие образ жизни и осмысление мира, общества, человека, его места в мире и обществе.

Начнем с культуры. Действительно, все люди живут, едят, спят, любят, одеваются, работают, управляют.. — но делают это различным образом, который, собственно и является культурой — способом эффективного выживания социума в данной среде. В этом плане культуры, действительно, возникают и развиваются почти органически. То, как вписался социум в кормящий его ландшафт, определяет жилище, ритм жизни, одежду, питание — вплоть до особенностей властных отношений.

И каждая культура формирует определенный тип личности носителей данной культуры. Социализация личности как раз и заключается в освоении определенных программ поведения, задаваемых культурой. Собственно, это и есть этнос — общность носителей определенной культуры. А этническое самосознание и идентичность — не что иное, как сопричастность, отождествление себя с конкретной культурой данного социума.

Что входит в такую культурную идентичность? Что является ее компонентами, которые ее воплощают?

- Язык, на котором говорят и думают члены данного этноса.
- «Грамматисты», которые дали и выпестовали этот язык, зафиксировали на нем наше предание.
- Вера: деноминация, конфессия, другие формы религиозности, объединяющие наш народ (в том числе, возможно, с другими народами).
- «Отцы нации» — исторические персонажи, сыгравшие ключевую роль в формировании нашего народа.

- «Герои» — исторические персонажи-победители, которыми мы гордимся, а также «жертвы», отдавшие свои силы и жизнь за наше светлое будущее, пролившие кровь за нашу свободу.
- «Деятели», внесшие вклад в развитие нашего общества, его культуры, науки, искусства.
- Памятные и знаменательные даты, важные, священные для нас, которые мы чтим и празднуем.
- Места, опять же важные и священные для нас, которые мы храним, показываем детям, гостям.
- Знаковая система, символизирующая нашу общность: флаги, гербы, гимны и т.п.

Большая часть этих составляющих образует так называемое культурно-историческое наследство, которое изучается, сохраняется, транслируется с помощью специальных технологий социально-культурной деятельности: образования, праздников, церемоний, профессионального и любительского творчества, работы средств массовой информации. Именно на основе этих технологий формируется определенная социальная мифология, вплоть до политической идеологии. Эта деятельность предполагает определенные знания, умения. Поэтому ее реализуют специальные люди. Первоначально это были колдуны, шаманы, жрецы, священнослужители, иконописцы, летописцы, скоморохи... Те, кого А. Грамши, Э. Геллнер, Ш. Занд относили к «протоинтеллигенции». Чем дальше, тем все более специализировалась деятельность по изобретению и трансляции культурно-исторических символов, кодов, манипулированию ими. Так возникли историки, философы, писатели, поэты, специалисты-гуманитарии, учителя высшей и средней школы, воспитатели дошкольных учреждений, журналисты, деятели театра, кино, ТВ, прочие работники сферы культуры и культурно-массовой сферы. С прошлого столетия в этот процесс была активно включена сфера спортивно-массовых мероприятий.

Разумеется, весь этот массив социально-культурных технологий во многом направлялся и координировался политической властью, поскольку производимая и закрепляемая этой деятельностью идентичность обеспечивала лояльность к политической власти, оправдывая ее исторически и культурно.

Однако не стоит однозначно сводить действие всех вышеперечисленных технологий к простому обслуживанию власти. Идентичность — лояльность именно к культуре. И в истории можно найти много примеров, когда власть утрачивала доверие именно в

силу нарушения ею самой лояльности культуре (нарушение «завета предков», конфликт с традиционной верой и т.п.). Обусловлено это, как представляется, просто большей инерционностью культуры (в том числе – политической) по сравнению с политической системой, развивающейся более динамично.

Тем не менее, нельзя отрицать и роли власти в формировании и даже выращивании определенной культуры, в целенаправленной работе с культурно-историческим наследием. Именно ролью государственной власти объясняется, например, доминирование норманнской теории происхождения российской государственности. А примерам переписывания истории в советское время в угоду политической идеологии просто несть числа. Иногда доходило просто до анекдота – например, когда в качестве документальной хроники показывали сцены штурма Зимнего из фильма С. Эйзенштейна «Октябрь», снятого к 10-летию событий октября 1917 г.

В этом плане нынешнее переписывание учебников истории, телевизионные ток-шоу типа «Суда истории», конкурсы на титульные образы нации – все те же технологии формирования национального самосознания. И в этой связи необходимо признать, что История – не только научная дисциплина, но и полноценный институт политической культуры общества. Институт и инструмент.

Не в меньшей мере сказанное относится и к религии и языку – не менее значимым институтам политической культуры. Крещение Руси, история распространения ислама на Балканах, история протестантизма (и не только англиканства) – тому наглядные примеры. Ли Куан-ю, запретив преподавание в Сингапуре на китайском языке, введя английский в качестве государственно-го, фактически создал новую нацию – сингапурцев – на основе китайского (конфуцианского), малайского (мусульманского), индусского и европейского (христианского) этносов. И, для сравнения, правительство Бандаранаике, введя в республике Шри Ланка в качестве государственного языка сингали, фактически тут же раскололо нацию, которую до сих пор сотрясает гражданская война. Нациеобразующая роль языка известна не только из новейшей истории. Например, какую роль сыграл литературный французский язык в становлении французской нации, письменность – в формировании нации китайцев?!

Советская история также дает примеры того, как становление национального самосознания «малых народов» начиналось с образования, с подготовки «национальной интеллигенции», с выра-

ботки отсутствовавшей до этого письменности, культивирования «национальной литературы и искусства». Это дополнялось формированием «национальной» политической элиты, в управление которой передавались территории, ресурсы, развивалась экономика и т.д. В результате мы имели дело с довольно успешной политической инженерией формирования наций. СССР оказался в истории уникальным опытом саморазрушения на основе сознательной и целенаправленной национальной политики.

Таким образом, так или иначе, но приходится признать, что практически все факторы формирования национального самосознания оказываются связанными с конкретными социально-культурными технологиями, с ролью гуманитарного знания и сообщества специалистов-гуманитариев, с политической властью, деятельностью государства, иначе говоря, с активной деятельностью элиты государства по поздней рационализации национальной идентичности, обоснованию ее в истории, предшествующей созданию данного государства. И делается это в целях укрепления легитимности этого государства, формирования соответствующей идеологии. В этом случае национальное сознание и национальная идентичность оказываются результатами, продуктами конкретных социально-культурных, социально-гуманитарных технологий, реализуемых, в конечном счете, государством.

Единственным собственно примордиалистским аргументом является аргумент биолого-генетический. Но и он оказывается зависимым от идеологического контекста. Более того, под эгидой этой идеологии проводятся, организуются, финансируются биологические, генетические исследования, целью которых является доказательство того, что генофонд «нации» уходит корнями к сотворению мира. И такие исследователи не останавливаются перед пристрастной интерпретацией далеко не полных исследований, перед практическим отсутствием корреляций и т.д. Но зато придают широчайшей огласке сам факт исследований, не посвящая широкую публику в полученные результаты. В конечном счете, сами такие «исследования» оказываются одной из гуманитарных технологий формирования «воображаемого сообщества».

По крайней мере, однозначно можно отметить тенденцию, даже тренд возрастания роли государства в формировании национального самосознания. И эта тенденция резко усилилась с формированием массового общества с его урбанистическим образом жизни, с возрастанием роли образования и массовой коммуникации, организованного досуга. Массовое общество —

общество гомогенной культуры, нуждающейся в ярких исторических символах данного социума.

Если примордиализм прав, то только относительно догосударственных форм политической власти. С возникновением государства, не случайно коррелирующим с возникновением и развитием письменности, и формируются национальное самосознание и идентичность, а значит и, собственно, нации. И всякая сформировавшаяся нация ищет свои символы в своем прошлом — чем глубже, тем лучше. Поэтому и сам примордиализм можно рассматривать как проявление позднейшей конструктивной деятельности общественного сознания, умов гуманитариев и идеологов этого общества.

Проведенный анализ показывает, что, фактически, за противостоянием государственно-гражданского и примордиалистского подходов, лежит противостояние подходов конструктивистского и генетико-расистского. Собственно, реалии обыденного опыта это только подтверждают. И тогда выбор оказывается за политиками, политической элитой. И нужно быть честными, хотя бы перед собой. Либо они все-таки учитывают конструктивный исторический опыт, либо сводят общественную, политическую жизнь к этологии биологических видов со всеми вытекающими последствиями, включая охлократию в самом «животном» и опасном ее понимании.

Аннотация

Нации – конструкт национализма, национального сознания, которые сами являются реализацией запроса государств Нового времени на легитимность. Эта задача решалась средствами гуманитаристики, культуры и искусства. В наше время к этому инструментарию добавились спорт и генетические исследования.

Ключевые слова:

государство, легитимность, массовое общество, национальная идентичность, нация, социально-культурные технологии, этничность.

Summary

Nation is a construct of the nationalism which is a realization of the legitimacy for the government. Humanities, arts, media are instruments for the decision of this problem. XX – XXI centuries add sport and genetics to this technologies.

Keywords:

ethnicity, government, legitimacy, mass society, nation, nation identity, social-cultural technologies.